

ВОСПРИЯТИЕ ИЕРАРХИЧЕСКИХ ЦЕРКОВНЫХ ИНСТИТУТОВ КИЕВСКОЙ МИТРОПОЛИЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ИНСТИТУТА ДИАКОНИСС)

Диакон Андрей Зотин

аспирант кафедры церковно-практических дисциплин
Московской духовной академии
141300, Московская область, г. Сергиев Посад,
Троице-Сергиева Лавра, Академия
zotin_andreyu@rambler.ru

Для цитирования: *Зотин А. А., диак.* Восприятие иерархических церковных институтов Киевской Митрополией (на примере института диаконисс) // Праксис. 2023. № 2 (11). С. 106–113. DOI: 10.31802/PRAxis.2023.11.2.008

Аннотация

УДК 348.032

В статье анализируется гипотеза Е. Е. Голубинского о существовании диаконисс в Русской Церкви. Рассматриваются предположения С. В. Троицкого и других исследователей о юрисдикционном статусе новосозданной Киевской митрополии церковной структуры Византийской Империи.

Ключевые слова: диакониссы в Русской Церкви, юрисдикционный статус Киевской митрополии X–XI вв.

Perception of Hierarchical Church Institutions by the Kyiv Metropolis (On the Example of the Institute of Deaconesses)

Deacon Andrey Zotin

PhD Student at the Department of Ecclesiastical and Practical Disciplines
at the Moscow Theological Academy
Academy, Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia
zotin_andreyy@rambler.ru

For citation: Zotin Andrey, deacon. "Perception of Hierarchical Church Institutions by the Kyiv Metropolis (On the Example of the Institute of Deaconesses)". *Praxis*, № 2 (11), 2023, pp. 106–113 (in Russian). DOI: 10.31802/PRAxis.2023.11.2.008

Abstract. The article analyzes the hypothesis of E. E. Golubinsky on the existence of deaconesses in the Russian Church. The assumptions of S. V. Troitsky and other researchers on the jurisdictional status of the newly created Kyiv Metropolis of the church structure of the Byzantine Empire.

Keywords: deaconesses in the Russian Church, the jurisdictional status of the Kyiv Metropolis of the 10th–11th centuries.

Как известно, Е. Е. Голубинский еще в XIX веке выдвинул гипотезу о возможности существования диаконисс в Русской Церкви: «Есть большая вероятность думать, что эти диакониссы или смотрительницы женских отделений церквей были и у нас и что они-то и стали у нас просфоропеками, соединив в себе две должности»¹. По мнению Е. Е. Голубинского, просфирни появились на Руси в период не ранее второй половины XII-го века. Данная гипотеза представляется небезынтесной, что заставляет рассмотреть указанное предположение подробнее.

Одним из оснований возможного существования на Руси чина диаконисс, Е. Е. Голубинский находит в том, что церковная организация Киевской Руси в указанное время была частью Византийской церковной структуры, а значит и церковного клира, богослужения и устройства. Устройство должно было быть одинаковым².

С. В. Троицкий в подтверждение гипотезы Е. Е. Голубинского замечал, что Русская Церковь с конца X-го века была частью Византийской церковной структуры.

Более того, протоиерей Василий Вакулин в своем исследовании пишет: «Позже диаконисс сменили просфирни, занимавшиеся изготовлением просфор и даже некоторыми видами причетничества... Вероятно, те же просфирни имеются в виду и в постановлениях Владимирского собора 1274 года, о которых говорится, что они “освящают приносимые к церкви плодоносия, рекше крупы или кутья за мертвые”. Подобно диакониссам, просфирни причислялись к клиру. Так, в уставе св. князя Владимира читаем: “А се церковные люди: игумен, поп..., проскурница”. Но в 1869 году они были по всем епархиям исключены, а приготовление просфор было передано ведению местного священника. Как и диакониссам в древности, просфирням запрещались повторные браки: “пономарю двоеженцу и троеженцу не достоин быть, также и проскурницы... Второбрачие запрещалась и вдовам священнослужителей — кандидатам в просфирни. И только в 1733 году это запрещение было отменено Свят. Синодом и признано суеверным»³.

Анализируя и сопоставляя вышеприведенные данные исследователей XIX–XX столетий с современными открывшимися сведениями нужно сказать, что гипотеза о существовании диаконисс на Руси может быть поставлена под сомнение.

1 См. подробнее: *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Т. 1. Ч. 1. М., 1901. С. 467–470.

2 *Троицкий С. В.* Диакониссы в православной церкви. СПб., 1912. С. 267–268.

3 *Вакулин В., прот.* Служение женщины в Православной Церкви (исторический обзор). Загорск, 1979. С. 79.

Речь прежде всего пойдет о существующем на сегодняшний день мнении о том, что святой равноапостольный князь Владимир не подчинил созданную им Русскую Церковь церковной структуре Византийской империи. Данное заключение уже продолжительное время привлекает внимание современных исследователей в области истории, литургики и церковного права.

Заведующий кафедрой церковно-практических дисциплин МДА протоиерей Александр Задорнов замечает: «Гипотеза о том, что равноапостольный князь Владимир «не ввёл вновь созданную им Русскую Церковь в юрисдикцию Константинопольского патриархата» и, более того, «по всем признакам, с самого начала не признаёт прямого канонического подчинения киевской церкви Константинопольскому патриархату», привлекает внимание историков уже достаточно давно. Предположения о неконстантинопольской юрисдикции первоначальной церковной организации в Киеве в конце X — первой трети XI вв. отражены как в популярных изданиях, так и в специальных исследованиях. Авторы этих гипотез (как и их опровержений) до недавнего времени оперировали лишь сведениями собственно исторических источников, что представляется сегодня явно недостаточным»⁴.

Например, изучение древнерусских богослужебных книг несомненно показало, что литургическая традиция, отраженная, в-последних, более связана с традицией балканского региона, чем с константинопольской. Об этом пишет один из современных исследователей данного вопроса профессор кафедры церковно-практических дисциплин МДА А. М. Пентковский: «заимствование литургической традиции и связанных с ней богослужебных книг было возможным только при наличии государственных и церковных отношений между Киевом и Преспой, что, в свою очередь, подтверждает справедливость предположений, высказанных М. Н. Приселковым на основании исторических источников»⁵. А именно то, что князь Владимир связал созданную им Русскую Церковь с на тот момент независимой Охридской архиепископией, а не с Константинопольским Патриархатом.

4 Задорнов А. В., *прот.* Юрисдикция первоначальной церковной организации в Киеве: исторические гипотезы и каноническая возможность // Праксис. 2019. Т. 2. № 2. С. 16.

5 Пентковский А. М. «Охрид на Руси»: древнерусские богослужебные книги как источник для реконструкции литургической традиции Охридско-Преспанского региона в X–XI столетиях // Кириллометодиевската традиција и македонско-руските духовни и културни врски»: Сборник на трудови од Меѓународниот научен собир / ред. И. Велев и др. Скопје, 2014. С. 56–57.

Приведем краткую историческую справку в подтверждение данного предположения. Протоиерей Александр Задорнов отмечает, что: «В 870 году Константинопольский патриарх Игнатий путём предоставления автономии Болгарской церкви преодолевает унию св. князя Бориса I с римским престолом. В этот период и до начала правления Симеона I в Болгарском царстве действует гомогенная структура церковного управления по территориальному принципу (в Деволе и Главенице). С воцарением Симеона I (893 год) становится возможной гетерогенная структура церковной юрисдикции, параллелизм этнического (епископии с примасом-епископом словенским во главе) и территориального принципов (диоцезы с греческим клиром). Территориально епископии ограничивались резиденцией славянского епископа (городом его кафедры), но юрисдикционно распространялись на всё (этнически) славянское население самого города и его окрестностей. Это позволяло избежать канонически нелегитимного параллелизма иерархий, использовавших различные богослужебные языки. Территориальный принцип церковной юрисдикции снова стал единственным после признания (в 927 году?) болгарской автокефалии при св. царе Петре I, после чего языковой признак также становится единым, что явилось одним из факторов, способствовавших признанию автокефалии Болгарской церкви»⁶.

Исходя из указанного нельзя согласиться с тем, что святой равноапостольный князь Владимир и его окружение не были знакомы с церковным устройством и отсутствием болгаро-русских связей.

А. Пресняков отмечал, что упоминаемые в Начальной русской летописи при св. князе Владимире «попы и книги несли в русскую среду болгарский церковный язык и болгарскую письменность»⁷.

В. Мошин отмечает, что: «в X в. всё это легко могло быть получено из соседней Болгарии при Игоре и Ольге. Если же считать, что в Киеве уже при Святославе было несколько христианских храмов, то придётся предположить, что и до Владимира I церковная книга из Болгарии должна была приходиться на Русь в более значительном количестве рукописей»⁸.

6 Подробнее об этом см.: *Задорнов А. В., прот.* Территориальные епархии и этнические епископии в структуре церковной организации Первого Болгарского царства (канонический аспект) // *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies.* 2016. Т. 2. № 5. С. 121–135.

7 Подробнее об этом см.: *Пресняков А.* Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 355.

8 *Мошин В. А.* О периодизации русско-южнославянских литературных связей X–XV вв. // *Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Институт русской литературы.* Т. XIX: *Русская литература XI–XVII веков среди славянских литератур.* М., 1963. С. 52.

Тем самым сегодняшние научные представления о каноническом правоприменении и литургической жизни славянских церковных организаций в X–XI вв. как минимум не позволяют оставлять теорию М. Приселкова по-прежнему на периферии научной мысли, но требуют возвращения к её положениям с применением новых данных междисциплинарных исследований.

Как утверждает современный русский исследователь этого вопроса Назаренко: «в науке пока не предложено вполне убедительно картины первоначальной епархиальной структуры Киевской митрополии — причём не столько по недостатку источников (в медиевистике их никогда не бывает достаточно), сколько по увлечённости исследователей идеей, будто утверждение владычных кафедр непременно должно было иметь политические причины. Нельзя отрицать, что подобного рода причины играли свою роль — особенно со второй половины XI столетия, но нельзя также не видеть, что в более раннее время зависимость структуры церковного управления на Руси от внутривнутриполитических обстоятельств не могла быть столь тесной»⁹.

Протоиерей Александр Задорнов отмечает: «имеющиеся сегодня исторические, археологические, литургические и искусствоведческие данные говорят о большей связи киевской церковной организации начала второго тысячелетия с балканским охридско-преспанским регионом по сравнению с собственно византийской (преимущественно константинопольской) экуменой»¹⁰.

Таким образом, современные канонические и литургические исследования в большей степени косвенно опровергают вышеприведённый тезис о служении просфирен в Русской Церкви как преемниц византийских диаконисс. Поэтому гипотеза о том, что просфирни были преемницами диаконисс в Русской Церкви может быть оспорена.

Возвращаясь к мнению Е. Е. Голубинского, стоит также привести слова Патриарха Феодора Вальсамона, византийского канониста XII века. Так, в толковании на 15 правило IV Вселенского Собора он говорит, что в его время чин поставления диаконисс: «совершенно вышел из употребления»¹¹.

9 Назаренко А. В. Территориально-политическая организация государства и епархиальная структура Церкви в Древней Руси (конец X – XII век) // Древняя Русь и Славяне: историко-филологические исследования / А. В. Назаренко. М., 2009. С. 189.

10 Задорнов А. В., *прот.* Юрисдикция первоначальной церковной организации в Киеве: исторические гипотезы и каноническая возможность // Праксис. 2019. Т. 2. № 2. С. 27.

11 Правила святых Вселенских Соборов с толкованиями / выпуск. ред. Л. А. Чуткова. М., 2011. С. 209.

Иными словами, в Византии к тому времени диаконисс уже практически не существовало. Данный факт также дополняет предыдущий и способствует критическому восприятию предположения Е. Е. Голубинского.

Однако в подтверждение своего предположения о преемстве Е. Е. Голубинский ссылается главным образом на постановление Стоглавого Собора о проскурницах, где в пятой главе под одиннадцатым вопросом говорится: «Еще иное безчиние у проскурниц горше сего. Боголюбцы дают проскурням денги на проскуры о здравии или за упокой. И она спросит имени о здравии да над проскурою сама приговаривает, якоже арбуи в чюди. А за упокой такоже мертвых имян спрашивает, да над проскурою приговаривает. А те проскуры попу дает, и поп людем дает и к себе относит, а на жертвеннике тех проскур о здравии и за упокой не проскомисает, и жертва к богу от них не приносится. Токмо един агнец выимав да богородицыну да предтечеву и всех святых да о всяком епископстве православных да о благочестивом цари да о всем православном крестьянстве да за упокой, а иных мало вынимают»¹².

Таким образом, Е. Е. Голубинский делает вывод: «Можно, конечно, предполагать, что наши просфорницы устроили себе свое странное как бы священствование без всякого повода; но вероятнее предполагать повод — и именно что сейчас указанное было малым и искаженным остатком их древняго причетничества»¹³.

Учитывая современные исследования, не исключено то, что никакого преемства не было, а просфирни являлись, очевидно, абсолютно своеобразным чином, часть представительниц которого занималась «паралитургическим творчеством».

Подытоживая рассуждения о вопросе возможного существования диаконисс на Руси, стоит отметить, что открывшиеся современные литургико-филологические и канонические исследования о связи ново-созданной церковной структуры Руси с Охридской архиепископией X–XI веках, соответствии их церковного устройства и литургической практики может говорить о возможном отсутствии преемства между византийскими диакониссами и русскими просфирнями.

Гипотеза Е. Е. Голубинского о возможном преемстве русских просфирен и диаконисс в XII веке так и остается гипотезой в связи с отсутствием подтверждающих исторических данных. Таким образом, данный вопрос остается открытым.

12 Стоглав, Собор Русской Православной Церкви, бывший в Москве в 1551 году. СПб., 2011. С. 25.

13 Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. 1. Ч. 1. М., 1901. С. 470.

Источники

- Правила святых Вселенских Соборов с толкованиями / выпуск. ред. Л. А. Чуткова. М.: Сибирская Благовонница, 2011.
- Столбов, Собор Русской Православной Церкви, бывший в Москве в 1551 году. СПб.: Изд. Воскресение, 2011.

Литература

- Вакулин В., прот. Служение женщины в Православной Церкви (исторический обзор). Загорск: [б. и.], 1979.
- Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. 1. Ч. 1. М.: Университетская типография, 1901.
- Задорнов А. В., прот. Территориальные епархии и этнические епископии в структуре церковной организации Первого Болгарского царства (канонический аспект) // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2016. Т. 2 No. 5. С. 121–135.
- Задорнов А. В., прот. Юрисдикция первоначальной церковной организации в Киеве: исторические гипотезы и каноническая возможность // Праксис. 2019. Т. 2. № 2. С. 15–30.
- Мошин В. А. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X–XV вв. // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Институт русской литературы. Т. XIX: Русская литература XI–XVII веков среди славянских литератур. М.: Изд. АН СССР, 1963. С. 52.
- Назаренко А. В. Территориально-политическая организация государства и епархиальная структура Церкви в Древней Руси (конец X — XII век) // Древняя Русь и Славяне: историко-филологические исследования / А. В. Назаренко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009.
- Пентковский А. М. «Охрид на Руси»: древнерусские богослужебные книги как источник для реконструкции литургической традиции Охридско-Преспанского региона в X–XI столетиях // Кириллометодиевската традиција и македонско-руските духовни и културни врски»: Сборник на трудови од Меѓународниот научен собир / ред. И. Велев и др. Скопје, 2014. С. 56–79.
- Пресняков А. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Соцэкгиз, 1993.
- Троицкий С. В. Диакониссы в православной церкви. СПб.: Синодальная типография, 1912.